

Мо Чанкун сердито сказал:

- Я этого не делал!

Лу Юньчжэнь удивился:

- Не делал что?

- Не скажу, - Ху Суй положил руку на плечо Мо Чанкуна и, улыбаясь, сказал, - Это наш маленький секрет между братьями.

Шизун был исключен из этого разговора...

Лу Юньчжэнь почувствовал небольшое разочарование и перестал спрашивать.

Мо Чанкун был раздражен, эта лиса нашла его слабое место и постоянно поддевала его. Он чувствовал себя виноватым, поэтому пока не мог разобраться с этим, но решил, что вернется на Пик Уцзянь и обязательно устроит Ху Сую серьезную тренировку в горах.

- Я пошутил, не злись, - Ху Суй, видя его недовольство, принялся поспешно заискивать, шепча на ухо, - Старший брат, раз уж ты здесь, почему бы тебе не сыграть эпизодическую роль? Заработаешь немного денег и купишь подарок шизуну.

Мо Чанкун был тронут, ведь шизун постоянно переживал о том, как их прокормить, а сам он, хоть и был мастером боевых искусств, не имел ни удостоверения личности, ни образования, чтобы помочь шизуну.

Теперь Ху Суй решил вопрос с его документами. Как же он, великий демон, мог сидеть на шее шизуна? Как говорится в интернете, если не учишься, то иди работать на стройку. Он был силен, работа по перекладыванию кирпичей вполне бы ему подошла?

Мо Чанкун серьезно подумал и принял предложение сыграть эпизодическую роль. Режиссер пожаловался на отсутствие у него актерского мастерства, его неумение говорить реплики и то, что он просто стоял на месте, как дерево. Однако его внешность и телосложение были настолько хороши, что затмевали других актеров, поэтому ему дали роль человека в маске.

Он надел бронзовую маску и черный плащ, просто стоял на заднем плане. Эта роль не требовала грима. Лу Юньчжэнь посчитал, что это выглядит хорошо, и сделал совместное фото.

Когда все были готовы, камеры настроены, помощник режиссера разместил массовку и объявил о начале съемок. Актер, играющий главную роль, вошел в двери таверны, сказал несколько неуместных слов, вызвавших смех, затем на сцену вышла хозяйка, которую играл

Цзин Юну, прекрасная и обворожительная, она привлекла всеобщее внимание и заигрывала с главным героем.

Лу Юньчжэнь профессионально произнес свою единственную реплику и, как и все, остался на заднем плане, прилагая все усилия, чтобы его взгляд выражал восхищение.

Мо Чанкун, скрываясь за маской, не смотрел на Цзин Юну, а наблюдал за шизуном, притворяющимся похотливым человеком, и чувствовал дискомфорт. Вдруг он уловил опасный запах и настороженно начал искать источник, заметив движение в окне. Он хотел подойти поближе и разглядеть получше.

- Стоп! — режиссер увидел движение на заднем плане, испортившее кадр, остановил съемку и сделал выговор, - Человек в маске, не двигайся! Ты нарушаешь все позиции!

Лу Юньчжэнь, понимая, что Мо Чанкун не в курсе, тихо объяснил:

- В кадре у всех есть фиксированные позиции. Если ты будешь двигаться и смотреть по сторонам, всем придется переснимать.

Он был довольно напряжен, боясь, что после нескольких дублей не сможет контролировать выражение своего лица.

Мо Чанкун пообещал:

- Я не буду двигаться.

Он снова встал на место и неподвижно замер. Режиссер заново проверил положение и дал команду начать. Главный герой снова вошел в дверь, Цзин Юну вновь захихикал, а шизун продолжил старательно изображать изумление...

Мо Чанкун стоял в северо-восточном углу, прямо напротив окна. Он увидел, как за окном медленно появилась странная женская голова с полностью черными глазами, алыми губами и двумя острыми клыками, словно ищущая добычу. У этой красавицы не было шеи, а под головой находилось огромное черное тело, отражавшее свет красных фонарей, а на покрытых мхом скалах вокруг были видны длинные конечности членистоногого.

Это была призрачная паучиха, мастер проклятий и сокрытия.

Никто не заметил ее присутствия. Съемка продолжалась, любое движение могло нарушить сцену...

Шизун сказал, что это очень плохо. Мо Чанкун долго размышлял, взвешивая все за и против, и

в итоге решил, что указания шизуна важнее. Режиссер не дал команды остановить съемку, поэтому он твердо стоял на месте, не глядя на паучиху и продолжая играть, словно зловещего существа не существовало!

Он уже не был наивным юнцом, для которого призрачная паучиха могла бы представлять угрозу. У него были силы защитить шизуна от зловещих духов, и Ху Суй также мог справиться с этим пустяком.

Что касается остальных... пускай.

Призрачная паучиха какое-то время смотрела в окно и, видя, что никто не обращает на нее внимания, тихо удалилась. Неизвестно, где она теперь скрывается, возможно, расставляет ловушки в ожидании добычи.

Съемка прошла успешно, никто не допустил ошибок, и сцена была отснята с первого дубля. Съёмочная группа быстро начала готовиться к следующей сцене, повсюду раздавались приказы и торопливые выкрики.

Лу Юньчжэнь расслабился и сладко потянулся. У Мо Чанкуна больше не было съемок на сегодня, и он нашел время, чтобы доложить шизуну о паучихе.

Лу Юньчжэнь не мог в это поверить:

- Ты просто смотрел на нее?

Мо Чанкун гордился собой:

- Во время съемок я был послушен и не двигался!

- Ты... - Лу Юньчжэнь прикусил губу, не зная, что сказать. Он понимал, что мышление Мо Чанкуна часто отличалось от человеческого, и не мог требовать большего. С болью в сердце он признал, - Ты поступил правильно. Это моя вина.

Призрачная паучиха была опасным духом, питающимся людьми, и ее следовало уничтожить. Если бы она появилась, это вызвало бы панику среди всех. Истребление демонов и зловещих духов было основной обязанностью Пика Уцзянь.

Немного поразмыслив, Лу Юньчжэнь приказал:

- Чанкун, пока никто не заметил, избавься от этого зловещего духа. Безопасность здесь оставь на Ху Суя.

Мо Чанкун подумал и согласился. Не доверяя лисе в деле, он сам установил защитный барьер вокруг всей съемочной группы, обеспечив безопасность всех людей и запретив вход зловещим духам. Затем он тихо последовал по следам, оставленным паучихой.

Призрачная паучиха, кажется, почувствовала смертельную угрозу, растопырила свои восемь ног и начала отчаянно прятаться. Мо Чанкун не мог почувствовать ее зловещую энергию, но он был опытным охотником, способным улавливать следы и запахи, разбирать ловушки, устанавливая магические барьеры и постепенно загонял ее в угол.□□

Он выбрал местом захоронения призрачной паучихи вершину утеса, удаленное от людей место, где ее смерть останется незамеченной. Паучиха, загнанная в угол в ходе его охотничьей погони, не имея выхода, словно марионетка на ниточках, добралась до вершины горы и внезапно исчезла.

Воздух был чист, не оставляя следа зловещей энергии, лишь легкий аромат цветов Туолинг едва уловимо витал вокруг.

Мо Чанкун остолбенел. Это было нелогично: он установил ловушки по всему периметру утеса, а паучиха не могла летать, так что не могла избежать западни.

Он наклонился и внимательно осмотрел окрестности, не найдя следов на траве, что означало... паучиха будто растворилась в воздухе, как пузырь, словно ее и не было.

Нелепость!

Он испытывал глубокую ненависть к таким зловещим существам и, постигнув Путь меча, уничтожал их при малейшем намеке на присутствие. За годы он убил десятки пауков, был опытен в распознавании их коварных уловок и никогда не сталкивался с таким странным явлением.

Дух меча был практически неуязвим для иллюзий. Не могло существовать демонов, способных скрыться от него.

Мо Чанкун был озадачен. Он дважды обошел утес, тщетно ища следы паучихи, но замечал, как ее следы постепенно исчезали. Эта странность, не имеющая аналогов, породила в его душе глубокое беспокойство. Аромат цветов Туолинг вызывал легкое головокружение, тревога усиливалась, и он осознал, что должен найти истину...

Мо Чанкун продолжил искать в горах и обнаружил все больше странных вещей: хотя не было трупов, в лесу горели маленькие призрачные огоньки, наполненные злобной энергией, которые с негодованием разлетались повсюду. Издалека доносилось неясное пение русалок, ветер приносил запах морской соли...

Но на горе Чисяо вообще не было моря.

Эти хаотичные явления смешались, разрушая логические умозаключения. Чем больше он размышлял, тем больше путался, пока внезапно не услышал звук взрыва со стороны съемочной группы у подножия утеса.

Глаза Мо Чанкуна мгновенно налились кровью. Его защитное поле исчезло бесследно.

Невозможно...

В прошлом даже союз богов потратил немало времени, чтобы разрушить его защитный барьер в Тусянгу, Долине убийства бессмертных. Хотя эта версия была проще, чтобы барьер исчез, и он ничего не почувствовал? Такое было невозможно, даже для Бессмертного Владыки Сюаньмина, овладевшего искусством установки барьеров!

Невозможно...

Почувствовав неладное, Мо Чанкун бросился к съемочной группе. Внезапно, звук взрыва раздался вновь, и постоянный двор загорелся, актеры, крича, спасались бегством из огненного моря.

Шизун стоял в оцепенении, как будто забыл, как двигаться.

В пламени появился монах-отступник в рясе, с изрезанным шрамами лицом и ожерельем из черепов на шее, держащий длинный меч. Со злобной ухмылкой он вонзил длинный меч в живот шизун, из раны хлынула кровь, и тот, корчась, медленно рухнул в лужу крови.

Невозможно...

Невозможно...

Этот монах-отступник — демон, запятнанный многими злодеяниями, они с шизуном убили его десять тысяч лет назад, его душа была разрушена. Как он может быть здесь?!

Шизун лежал на земле без признаков жизни. Мо Чанкун чувствовал головокружение, держась за голову и отказываясь принять происходящее. Он отчаянно пытался понять, что за нелепый и причудливый мир перед ним.

- Это кошмар?

Он внезапно осознал ответ, закрыл глаза и прошептал:

- Проснись быстрее...

...

Ху Суй сидел на холме, нежно перебирая струны пипы и напевая фальшивую мелодию:

- Иллюзия и реальность, словно сон. Старший брат, это пиршество мы приготовили для тебя с большим трудом.

Мир снова искривился. Самый могущественный демон наконец-то впал в сон.

Все члены съемочной группы и актеры вздохнули с облегчением, показывая свои истинные облики птиц и зверей, каждый тряс хвостом, махал крыльями и улыбался. Они поклонились девятихвостой белой лисе на холме и радостно заговорили:

- Брат А-Суй, он добровольно отправился в страну грез.

- Мы сделали это.

- Ха-ха, я обманул великого демона, об этом можно хвастаться всю жизнь...

- Скорее позвоните друзьям в курортный комплекс и сообщите радостную новость!

«...»

Ху Суй сдержанно кивнул, напомнив молодым демонам сохранять образ, ведь его шизун все еще здесь. Не стоит быть слишком возбужденными, нужно продолжать игру и сниматься. Все подчинились, вернувшись на свои места.

Ху Суй достал пустой нефритовый свиток, подошел к Мо Чанкуну и положил свиток ему на грудь. Нефрит излучал мягкое сияние, проникая внутрь, в его море сознания.

Он сидел рядом, продолжая перебирать струны пипы, используя неприятные звуки инструмента, чтобы контролировать свой разум. В его глазах сверкало возбужденное злорадство, на губах играла наивная жестокость, а слова произносились с тоном детской капризности:

- Старший брат, ты предпочитаешь терпеть наказание, быть осмеянным тысячами, проклинаемым десятками тысяч, но все равно не скажешь правду. В чем же дело?

- Мы не можем догадаться, поэтому вынуждены выяснить это сами.

- Не сердись на А-Суя...

- Ладно?

...

Пожар на съемочной площадке быстро потушили.

Режиссер крикнул:

- Снято!

Лу Юньчжэнь пролежал на полу большую часть времени, не смея пошевелиться. Наконец услышав сигнал, он быстро вскочил и выбросил пакет с кровью, спрятанный на животе. Эта кровь была приготовлена из куриной крови с добавлением антикоагулянта и выглядела очень профессионально, хотя и с неприятным запахом.

Актер со шрамом на лице, игравший в сцене, убрал свою выдвижную длинную саблю и с улыбкой похвалил его:

- Ты сыграл очень хорошо.

Лу Юньчжэнь скромно ответил:

- Это мой первый раз, когда я изображаю мертвого... извините, я имею в виду, получаю свой ланчбокс, это было довольно интересно.

Режиссер предупредил его, что в съемочной группе нельзя говорить «изображать мертвого», это считается плохой приметой. Вместо этого необходимо говорить «получать свой ланчбокс».

Все его сцены были завершены, и он поспешил в костюмерную, чтобы сменить липкий костюм, затем пошел к помощнику режиссера за символическим красным конвертом, предназначенным для снятия неудачи, а потом направился в палатку режиссера, чтобы посмотреть, как все получилось.

Когда Мо Чанкун вернется... Пусть он увидит, какое потрясающее актерское мастерство продемонстрировал его учитель!